

УДК 94(47)

К ВОПРОСУ О МОРДОВСКОМ БЕЛЯКЕ**© Полина Константиновна НАПОЛЬНИКОВА**

соискатель кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: nappolina78@yandex.ru

Изучен вопрос о малоизученном, но чрезвычайно важном для понимания истории мордовского этноса понятии мордовского беляка. Рассмотрена историография вопроса. На основании анализа документов XVI–XVII веков рассмотрены варианты употребления термина, возможные его значения. В отличие от сложившегося мнения о беляке как «княжении» татарской аристократии сделано предположение, что понятие «беляк» появилось у финских этносов, в том числе и у мордвы, в результате тюркского (кипчакского) заимствования на этапе разложения родовой общины для обозначения отделившейся внутриэтнической группы, а также территории, которую эта группа занимала и где вела хозяйственную деятельность. Организация беляков у мордвы являлась основной первоначальной формой освоения пространства и была обусловлена спецификой хозяйственной деятельности. Совместное пользование определенными участками леса жителями одного беляка предопределило в дальнейшем функционирование беляка как податной единицы. И именно как податные единицы беляки входили в состав феодальных владений татарской знати в XV–XVI веках. С полным переходом мордвы к земледелию как основному виду хозяйственной деятельности беляки утрачивают свое значение и исчезают к концу XVII века.

Ключевые слова: мордовский беляк; московское государство; мордва; татарские княжества; помещье; этническая территория

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-82-88

Понятие «беляк» впервые появляется в документах, начиная со второй половины XVI века. Документы эти представляют жалованные грамоты татарским мурзам на получение ясака с мордвы. Вероятно, одна из первых известных на сегодняшний момент таких грамот датируется 1554 г. В ней мурзы Тенишевы жалуют «сыхретинские мордвы Кучукова беляка ясаком, как был тот ясак дан Шакчуре да Шемаю, и как наперед того тот ясак был за Казанским князем Мамышем с сыном» [1, с. 32]. По другой грамоте 1555 г. кадомский Исеней мурза Мокшов сын Бутанов жалуется «...княжением над рязновскую мордвою Кирдяновского беляка, как было княжение за Сумарок князем Муратовым сыном Илемшмякова, а иметь ему с тое мордвы ясаку по старине, потому как имел Сумарок князь Муратов... а судичи та мордва Исенею князю Мокшеву одному...» [2, с. 27]. Еще один документ с упоминанием беляка – купчая 1594 г. Пурдошскому монастырю: «Се аз Пятуй Авкеманов сын, мурза Гильдеевского беляка мордвин, деревни Тотушевы с Малых Пурдышек продал... новые пустыни игумену... бортной ухажей...» [3, с. 110].

Эти документы позволяют рассмотреть общее для всех мордовских территориальных

групп явление, каким был беляк в самых ранних вариантах фиксации. По смыслу первых двух грамот можно предположить, что беляк представлял собой внутреннее подразделение этнотерриториальной группы мордвы, отражающее в своем названии принадлежность кому-то (или зависимость от кого-то). Так, из состава групп «сыхретинской» (имеется в виду – ирехтинской [4, с. 247]) и «рязновской» мордвы могли выделяться подразделения в виде беляков, возглавляемые неким Кучуком (в другом случае – Кирдяном), как представителями внутриэтнической знати или находящихся в феодальной зависимости от них, так и представителями инородческой знати.

Несомненным является факт того, что продолжительное время беляки входили в состав феодальных владений татарской знати с соответствующими обязанностями выплаты ясака феодалу. В XVI столетии мы видим беляки как уже достаточно устойчивые объединения. Находившаяся уже под властью Москвы мордва беляков либо выплачивала ясак татарским феодалам, пожалованный от имени московского царя, либо еще по-прежнему входила в состав татарских «княжений», где в отношении зависимого населе-

ния беляка сохранялись как фискальные, так и судебные права феодала. Несмотря на неоднократную смену владельцев и получателей ясака с беляков, первоначальная привязка к имени собственному в названии беляков не менялась.

В документе 1594 г. можно увидеть еще одну важную особенность беляков. В тексте купчей продавец Петуй Авкеманов первоначально упоминает свою принадлежность к «мурза Гильдеевскому беляку», а затем только называет деревню, где он проживает. Это заставляет предположить, что территории населенных пунктов (деревень) и беляков не совпадали. И также, вероятно, принадлежность к определенному беляку не означала принадлежность к определенной деревне. То есть мордва одного беляка могла проживать в разных деревнях, и в одной деревне могли проживать представители разных беляков. Название беляка «мурза Гильдеевский» в данном случае уже явно свидетельствует о фискальной обязанности мордвы данного беляка в пользу татарского мурзы – скорее всего Гильдея Бигильдеева (возможное произношение имени – Мурзагильдей), упоминаемого в документе 1595 г. [5, с. 104]. Здесь либо не сохранилось первоначальное название беляка, либо перед нами вариант более позднего его возникновения уже именно для целей выплаты ясака. Таким образом, даже на протяжении полувека функциональное наполнение понятия «беляк» могло видоизменяться и трансформироваться под новые реалии.

Документы начала XVII века представляют уже более обширную информацию о беляках, хотя выявить на их основании первоначальную сущность понятия сложнее. Впервые, необходимо привести отрывок из известной грамоты 1608 г. Булаю Кудашеву: «...Се азь Царь и Великий Князь Василий Иванович всеа России пожаловал есмь темниковского Булая мурзу князь Кудашева, что бил он нам челом, а сказал служить де он наши всякие службы тридцать шесть лет, ...и нам бы его Булая мурзу пожаловать за его службу и за раденье выморочным княж Акчуриным княженьем Караева мордвою Кершинского беляка судом и пошлинами, да выморочным городецкого Шихмамая мурзы Салтаналеева сына Искачева есаком, что он имал с тое ж кершинские мордвы на год по

тринадцати рублей с полтиною... И мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Василий Иванович всеа России, Булая мурзу князь Кудашева за его службу и за радение пожаловали княженьем над мордвою Кершенского беляка, и Булая мурзе князь Кудашеву, будучи в нашем жалованье, мордве Кершенского беляка судом и пошлинами ведати, а ясак искати с Кершенские мордвы и нам служить и прямити по прежнему...» [6, с. 14-16]. Здесь можно увидеть некоторые параллели в смысловой трактовке беляка с грамотами 1554 и 1555 гг. Так, судя по тексту, определенная группа мордвы – Кершинский беляк, ранее входил (как один из элементов) в «княжение» Караева либо был единственной составляющей этого «княжения». Но, в отличие от вышеуказанных грамот, в названии беляка не фигурирует отсыл к имени собственному и нет привязки к более широкой этнотерриториальной группе. Однако по тексту грамоты 1608 г. мы видим, что понятия «мордва Кершинского беляка» и «Кершинская мордва» воспринимаются как тождественные. Таким образом, можно предположить, что крупные территориальные группы мордвы также представляли из себя беляки, которые могли делиться со временем. То есть ирехтинская и рязановская мордва грамот 1554 и 1555 гг. могли представлять собой Ирехтинский и Рязановский беляки соответственно. И действительно в приводимых А.А. Герасимовым данных начала XVII века по распределению мордовских деревень Темниковского и Кадомского уездов по белякам значится Ирехтинский беляк [7, с. 66]. При выделении из состава более крупного беляка небольшой группы мог образовываться новый беляк, содержащий в своем названии патроним либо имя первоначального владельца, сохраняющееся на протяжении длительного времени независимо от смены владельцев территории беляка – вероятно, так появились Кучуков и Кирдяновский беляки.

Могли ли беляки изначально образовываться как феодальные владения татарских князей на постордынском пространстве? Такая точка зрения преобладала еще у истоков рассмотрения данного вопроса. А.А. Герасимов при изучении данной проблемы приводил следующие мнения исследователей [7, с. 64-65]. Так, И.Н. Смирнов считал, что бе-

ляками назывались участки отдельных мурз татарского происхождения, однако к XVII веку они уже утратили свое старое значение и употреблялись для обозначения территориальных участков. По мнению П.Н. Черменского, представителям знатных татарских родов принадлежали населенные мордвой крупные земельные владения. В русских документах их называли «княжения», а татарским обозначением их было слово «беляк». А.Е. Любимов представлял беляк административно-владельческой татарской единицей, в состав которого входило несколько мордовских селений. Современные исследователи придерживаются точки зрения, что беляк – средневековое татарское протогосударственное образование на территории Мещерского края [8, с. 4]. Д.М. Исхаков со ссылкой на М.Г. Сафаргалиева сравнивает беляки с бейликами Крымского ханства, являющимися, по сути, княжествами, и связывает происхождение понятия «беляк» в Мещере именно с понятием «бейлик» – княжество [9, с. 195–196]. Также он считал, что к XVII веку система бейликов трансформировалась и больше напоминала вотчины князей, постепенно приобретавших черты поместных владений. Но в начале XVI века беляки еще сохраняли черты настоящих княжеств.

М. Акчурин и М. Ишеев пишут, что в русских источниках управление татарским князем подвластным населением обозначалось термином «княжение», который, наряду с обозначением княжеской власти, мог означать и саму подвластную территорию владений князя [10, с. 9]. Исследователи считают, что понятию «княжение» в русских источниках близки татарские понятия «билек», «биклек», приводя примеры использования этих терминов в татарских средневековых источниках и возможные переводы текстов с ними на русский язык. Не отрицая того факта, что в начале XVII века беляки уже функционировали только как ясачные округа, они все же предполагают, что в более раннее время понятие «беляк» было близко к мордовскому княжению [10, с. 20].

Таким образом, гипотеза о том, что беляки представляли собой государственные либо протогосударственные образования татарских феодалов в Мещере строится на схожести понятий «беляк» и «бейлик», «белек», а так же на основании того, что терри-

тории некоторых беляков в XV–XVI веках входили в состав татарских «княжений». Однако тогда возникает вопрос, почему в грамотах 1554 и 1608 гг. одновременно используется термины «княжение» и «беляк», если эти термины были тождественны? Если беляк – это княжество, почему формулировка в грамоте 1554 г. строится по типу «...Мокшов сын Бутаков жалуется ...княжением над рязановскую мордвою Кирдяновского беляка» а не «...Мокшов сын Бутаков жалуется... Кирдяновским беляком» или «княжением Кирдяновского беляка», как это было бы логично для данного случая? Ведь именно такой формулировкой должно было бы передаваться княжение над княжеством (в случае его реального существования), как например, в духовной грамоте 1504 г.: «Да сына же своего Василья благословляю ...великим княженьем Новгородским, даю ему Великий Новгород...» [11, с. 270]. И главное – в конце XVI века, в верхнем Поенье появляются новые беляки – Новосельский, Соколинский, которые ни один документ, даже косвенно, не позволяет связать с татарскими княжествами.

Сам факт появления новых беляков должен был быть вызван необходимостью пришлого населения встроиться в уже существовавшие на осваиваемой территории структуры и способы организации деятельности. Следовательно, эти структуры и способы организации должны были быть «рождены» внутри этнической общности, их использовавшей, являться результатом поиска рациональных способов внутриэтнического существования в определенном ландшафте на определенной территории. И в такой ситуации приравнивание понятий «беляк» и «княжение», «княжество» теряет смысловую нагрузку.

В XV–XVI веках «княжения» татарской феодальной знати, по своей сути, приближались к вотчинным феодальным владениям. И так же, как власть русского феодала-вотчинника распространялась на крестьянское население, входящих в вотчину сел и деревень, так же власть татарского князя распространялась на мордовское население входящих в «княжение» беляков. Таким образом, татарские феодальные образования, возникнув, должны были уже застать существующую структуру беляков, трансформировав (либо

создав) под нее фискальную и судебную системы.

Но откуда тогда возникло понятие «беляк» у мордвы и что же оно могло означать? Необходимо отметить, что «беляк» – достаточно распространенный топоформант на территории Поволжья, преимущественно в пределах современной Марийской Республики. По мнению исследователя топонимии Поволжья Г.Е. Корнилова, тюркский географический термин бӧлек/бӱлак в русской диалектной речи трансформировался в беляк [12, с. 171]. Первоначальное же значение форманта -бӱлак исследователь выводит из кыпчакского диалектного варианта общетюркских и межатюркских производных от корня бӧл-/бӱл-/пӧл-/пӱл-/бол-/ и т. п., означающего «разделять, отделять, размежевывать» типа: туркменского бӧӧлек, уйгурского бӧлак, бӱлак, чувашского пӱлӧк, башкирского бӱлә, имеющих по языкам значения: «часть народа, населения», «отделение», «группа», «часть; надел» и т. п. [12, с. 171]. Марийский языковед И.С. Галкин связывал появление форманта -беляк у марийцев с появлением частной собственности на землю, предполагая что «беляк» раньше был самостоятельным словом, обозначающим участок земли, где располагались несколько поселений одного рода [13, с. 25]. Он так же приводил лексические соответствия этому форманту в мордовском и удмуртском языках, сравнивая удмуртское «бӱляк» – «родня», «сосед, соседи» и мордовское «беляк» – участок, на площади которого расположен ряд принадлежащих к нему деревень [14, с. 43], и отмечая, что подобное слово существовало и в древнемарийском языке [15, с. 213].

Таким образом, можно предположить, что понятие «беляк» появилось у финнских этносов, в том числе и у мордвы, в результате тюркского (кипчакского) заимствования, на этапе разложения родовой общины, для обозначения отделяющейся внутриэтнической группы, а так же территории, которую эта группа занимала и где вела хозяйственную деятельность. В результате неизбежного разрастания беляков – общин, появлялись новые беляки. Можно сказать, что система беляков у мордвы являлась основной первоначальной формой освоения пространства и была обусловлена спецификой хозяйственной деятельности. Изначальная этническая

территория мордовских племен, место зарождения и первых этапов развития этноса – это лесная зона. Мордва – это «люди леса», и лес «диктовал» им свои правила выживания в нем. Лес был источником всех необходимых для жизни ресурсов и определял виды хозяйственной деятельности. Бортничество, охота, собирательство, рыбная ловля предоставляли пищу; дерево было и строительным материалом, и средством отопления жилища. Но все это могло полноценно обеспечивать человека только и исключительно в случае низкой плотности проживания людей на лесном участке. При большой человеческой нагрузке лесные ресурсы быстро истощались, и возобновление их проходило достаточно медленно. Совместное проживание постоянно увеличивающейся группы людей в лесу неизбежно вело бы к уменьшению близлежащей лесной площади (учитывая, какое большое количество леса требовалось только на отопление жилища на протяжении не менее чем шести месяцев в году). В свою очередь это отразилось бы на эффективности бортного промысла, требующего обширных лесных пространств, не говоря уже о примитивном собирательстве. Человек в целях выживания вынужден был встраиваться в сложную экосистему леса, быть не просто потребителем ресурсов, но органической частью среды, участвуя в процессах сохранения и воспроизводства. Именно это стало катализатором внутриэтнического деления. Община, научившись чувствовать и определять критическую человеческую нагрузку на территорию, в необходимый момент как бы выталкивала из своей среды «лишние» родовые группы, уходившие на новые участки. Поэтому и появлялись эти «части» когда-то целой общности – мордовские беляки.

Предположу, что и внутри отделившегося беляка люди селились не совсем компактно, как это было бы при основании русской деревни. Занятие земледелием у крестьян предполагало тяжелый коллективный труд и определяло совместное проживание (слово «деревня» первоначально означало место, очищаемое от леса и зарослей для пахотного поля [16, с. 221]), тогда как в сложившемся симбиозе человек–лес таких совместных усилий уже не требовалось. Достаточно обширная лесная территория беляка заселялась семьями и эксплуатировалась ими совместно,

но не в том смысле, что вся община вместе выходила на охоту или осматривать борти, а в том, что они промышляли на общей территории небольшими (два–три человека) семейными группами, стараясь по возможности не мешать друг другу. Выработанный механизм существования в экосистеме леса был очень устойчивым, что позволило сохраняться ему достаточно длительное время. Совместное пользование определенными участками леса жителями одного беляка предопределило в дальнейшем функционирование беляка как податной единицы. И именно как податные единицы беляки входили в состав феодальных владений татарской знати в XV–XVI веках.

Естественно, что процесс образования беляков не мог быть бесконечным. Количество их ограничивалось лесным ландшафтом, так как выход за его пределы требовал иных форм общинной организации. Сложно сказать, какие механизмы позволяли этносу поддерживать определенную численность популяции для полноценного длительного существования в определенной природной среде, и существовали ли вообще эти механизмы. В любом случае, с увеличением нагрузки (внутренней и/или внешней, связанной с «наступлением» земледельческого населения, постоянно нуждающегося в новых распаханых землях, строительном материале, топливе) на среду и, как следствие, сокращением лесных пространств мордва вынуждена была перестраиваться под новый тип хозяйствования, воспринимая формы внутренней организации у русских крестьян. Так, постепенно, с полным переходом мордвы к земледелию как основному виду хозяйственной деятельности беляки утрачивают свое значение и исчезают к концу XVII века. Однако еще в первой четверти столетия (на стадии смены форм внутриэтнической организации) мы встречаем в Почестье и мордовские деревни, и беляки.

Список литературы

1. Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1889. Вып. 24.
2. Ишеев М., Акчурина М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае // Татарские князья и их княжества: сб. статей и материалов / под ред. М. Ишеева. Н. Новгород, 2008. С. 6–30.
3. Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1890. Вып. 28.
4. Акчурина М.М. Ирехтинская мордва и ее владельцы // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. С. 246–248.
5. Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Вып. 4. Арзамасские помещные акты (1578–1618 гг.). М., 1915.
6. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 196. Оп. 2. Д. 1138.
7. Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. 464 с.
8. Хайретдинов Д.З. Вступительное слово // Татарские князья и их княжества: сб. статей и материалов / под ред. М. Ишеева. Н. Новгород, 2008. С. 4–5.
9. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004.
10. Акчурина М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 4. Казань, 2014. С. 5–27.
11. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.: в 4 т. Рязань, 2005. Т. 1. 697 с.
12. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья – XVI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашии. 2007. Вып. 3. С. 171–175.
13. Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. 156 с.
14. Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики: сб. статей. Ижевск, 1989.
15. Гордеев Ф.И., Галкин И.С. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979. С. 58–61.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 / гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1977. 403 с.

References

1. *Izvestiya Tambovskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News-bulletin of Tambov Provincial Academic Archival Committee]. Tambov, 1889, no. 24. (In Russian).
2. Isheev M., Akchurin M. *Tatarskie knyaz'ya i ikh knyazhestva v Meshcherskom krae* [Tatarian princes and principedom in Meshcherskiy territory]. *Tatarskie knyaz'ya i ikh knyazhestva* [Tatarian Princes and Principedom]. Nizhny Novgorod, 2008, pp. 6–30. (In Russian).
3. *Izvestiya Tambovskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News-bulletin of Tambov

- Provincial Academic Archival Committee]. Tambov, 1890, no. 28. (In Russian).
4. Akchurin M.M. Irekhtinskaya mordva i ee vladel'tsy [The Irekhtinskaya Mordva and its owners]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskie problemy* [National Tatarian History: Theoretical and Methodological Problems]. Kazan, 2011, pp. 246-248. (In Russian).
 5. *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva 1604–1613 gg. Vyp. 4. Arzamasskie pomestnye akty (1578–1618 gg.)* [Time of Troubles of Muscovy in 1604–1613. Issue 4. Arzamas local acts (1578–1618)]. Moscow, 1915. (In Russian).
 6. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [The State Archive of Penza Region], fund 196, list 2, file 1138. (In Russian).
 7. Geraklitov A.A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Saransk, 2011, part 1, 464 p. (In Russian).
 8. Khayretdinov D.Z. Vstupitel'noe slovo [Foreword]. *Tatarskie knyaz'ya i ikh knyazhestva* [Tatarian Princes and Princedom]. Nizhny Novgorod, 2008, pp. 4-5. (In Russian).
 9. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turk-Tatar States in XV–XVI Centuries]. Kazan, 2004. (In Russian).
 10. Akchurin M., Isheev M. Institut vlasti tatarskikh knyazey v Rossiyskom gosudarstve [Institute of authority of Tatarian princes in Russian state]. *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Vyp. 4* [Historical Destinies of Peoples of the Volga Region and Cisurals. Issue 4]. Kazan, 2014, pp. 5-27. (In Russian).
 11. Tsepkov A.I. *Svod pis'mennykh istochnikov po istorii Ryazanskogo kraja XIV–XVII vv.* [List of Written References on History of Ryazan Territory in XIV–XVII Centuries]. Ryazan, 2005, vol. 1, 697 p. (In Russian).
 12. Kornilov G.E. Toponimiya respublik Povolzh'ya – XVI: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya [Toponimics of the Volga region Republics (the Bashkir, the Komi, the Mari, the Mordva, the Tatar, the Udmurt, the Chuvash Republics) – 18th century: A-anlaut geographic names]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*, 2007, no. 3, pp. 171-175. (In Russian).
 13. Galkin I.S. *Kto i pochemu tak nazval. Rasskazy o geograficheskikh nazvaniyakh Mariyskogo kraja* [Who and Why Called So. Stories About Geographical Names of the Mari Territory]. Yoshkar-Ola, 1991, 156 p. (In Russian).
 14. Galkin I.S. Osnovnye tipy toponimov na territorii Mariyskoy ASSR [Main types of toponyms on the Mari territory of the ASSR]. *Voprosy finno-ugorskoy onomastiki* [Bulletin of Finno-Ugric Onomastics]. Izhevsk, 1989. (In Russian).
 15. Gordeev F.I., Galkin I.S. *Etimologicheskii slovar' mariyskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Mari Language]. Yoshkar-Ola, 1979, pp. 58-61. (In Russian).
 16. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4* [Dictionary of Russian Language of XI–XVII Centuries. Issue 4]. S.G. Barkhudarov (ed.). Moscow, 1977, 403 p. (In Russian).
- Поступила в редакцию 13.01.2017 г.
Received 13 January 2017

UDC 94(47)

ON THE ISSUE OF MORDOVIA BELYAK

Polina Konstantinovna NAPOLNIKOVA

Competitor of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: nappolina78@yandex.ru

The question of under-investigated, but very important for understanding of Mordovian ethnos history, notion of Mordovia belyak is studied. The historiography of this question is researched. Basing on the analysis of documents of XVI–XVII centuries the variants of the term use are considered. Its possible meanings are considered. Unlike the existing opinion about belyak as “principality” of tataric aristocracy it is suggested that the notion “belyak” appeared among Finnish ethnos including those of Mordovians at the result of Turkic (Kipchak) borrowings at the stage of clans decay for denotement of inner-ethnic group separating and also the territory which this group took and where it ran its economic activity. The organization of belyak in Mordovians was primary form of spaces reclaiming and was conditioned by the specifics of economic activity. Sharing the definite regions of forest by the inhabitants of one belyak predetermined the further functioning of belyak as tax unit. Namely as the tax units, belyaks were included in feud of tatarian noblemen in XV–XVI centuries. The full transition of Mordva to farming as a basic type of economic activity belyak had lost its meaning and had disappeared by the end of XVII century.

Key words: Mordovia belyak; Muscovy; Mordovians; tatar principality; Tsna region; Tsna; ethnic territory

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-82-88

Информация для цитирования:

Напольникова П.К. К вопросу о мордовском беляке // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 2 (166). С. 82–88. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-82-88.

Napolnikova P.K. K voprosu o mordovskom belyake [On the issue of Mordovia belyak]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 2 (166), pp. 82–88. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-82-88. (In Russian).